

УДК 947(47):34

УПАДЫШЕВ Николай Васильевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Поморского университета. Автор 12 научных публикаций, в т. ч. одной монографии

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В СЕВЕРНОМ КРАЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Часть 1. Политика государства по выселению «кулацких» семей в Северный край

ГУЛАГ, спецпоселенцы, «кулацкие» семьи, Северный край

Важнейшей составной частью ГУЛАГа являлась система спецпоселений, где на протяжении многих лет вынуждена была проживать такая категория спецконтингента, как спецпереселенцы (трудпоселенцы). Формально спецпоселения как элемент ГУЛАГа вошли в его состав в июне 1931 г., однако фактически становление системы спецпоселений и зарождение ГУЛАГа, основу которого составляли исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), происходило одновременно. Образование данных социальных институтов в советском обществе было обусловлено ужесточением карательно-репрессивной политики советского государства, вызванного сталинским «великим переломом» конца 1920-х – начала 1930-х гг. Они стали основными структурными элементами советской пени-

тенциарной системы, где концентрировались огромные массы людей, в значительной степени ограниченных в свободе и подвергавшихся дискриминационным и репрессивным мерам воздействия. Доминантной функциональной особенностью данных институтов являлось широкомасштабное использование принудительного труда спецконтингента (заключенных и спецпоселенцев) в реализации амбициозных государственных задач по форсированной индустриализации страны и экономическому освоению малообжитых, но богатых природными ресурсами регионов страны.

Структурные элементы ГУЛАГа в определенный период сами представляли собой самостоятельное, сложноорганизованное и многогранное целое в рамках социального и

пенитенциарного пространства. Таковой являлась и система спецпоселений. Поэтому концептуальное осмысление данного объекта исследования предполагает изучение всех его сторон и граней. Такой подход требует выявления прежде всего причин и факторов, обусловивших образование данной системы, характерных для нее черт, общего и специфического в процессе функционирования.

Появление системы спецпоселений было детерминировано государственной политикой начала 1930-х гг., направленной на осуществление в деревне форсированной коллективизации и «ликвидации кулачества как класса». Эта политика исходила из социалистической доктрины большевиков: обобществление собственности, создание на ее основе коллективных хозяйств и уничтожение в деревне класса эксплуататоров – кулаков, которые рассматривались как носители частнособственнических отношений. Важнейшим фактором, подтолкнувшим руководство страны к проведению форсированной коллективизации, стала сложившаяся к 1930-м гг. социально-экономическая и политическая обстановка в стране. Она характеризовалась обострением социально-политических отношений в обществе, вызванным противоречиями новой экономической политики, проявившимися в конце 1920-х гг. прежде всего в «кризисе хлебозаготовок», усилении внутриполитических дискуссий и стремлении руководства страны решить сложные задачи развития общества чрезвычайными мерами. Последнее во многом объясняется субъективным фактором – личными качествами Сталина и его окружения, склонного к авторитарным методам руководства и волюнтаризму.

В период новой экономической политики государство проводило политику «ограничения эксплуататорских тенденций кулаче-

ства». В этих целях использовались законы об аренде земли и применении наемного труда в крестьянском хозяйстве, которые ограничивали размеры производства зажиточных крестьян и возможности использования наемного труда. Однако в конце 1920-х гг. отношение советской власти к «кулакам» коренным образом изменилось – все в большей мере к ним применялись методы внеэкономического принуждения и насилия. В конце 1929 г. партийным руководством страны был выдвинут новый лозунг – «ликвидация кулачества как класса».

Политическим решением, определившим новый курс в деревне и положившим начало реализации политики форсированной коллективизации и раскулачивания, стало принятое 5 января 1930 г. постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Решение о переходе к новой политике в отношении «кулачества» состоялось без широкого обсуждения в местных партийных организациях. Наметив «генеральную линию», постановление Центрального комитета не определило такие важные составляющие ее реализации, как механизм и методы раскулачивания, а также действия в отношении раскулаченных: что делать с этой категорией крестьян, было неясно.

Местные партийные и советские кадры, не получив должного истолкования и конкретных указаний, не могли уяснить сущность и методы реализации новой политики в деревне. Многие из них восприняли ее как установку на применение широкомасштабного административно-репрессивного давления на «кулаков» в качестве основного метода осуществления политики сплошной коллективизации, под страхом раскулачивания принуждая крестьян к вступлению в колхозы. Более того, чтобы

ускорить процесс «социалистического преобразования деревни», они «подхлестывали» вышестоящие инстанции.

Содержательное наполнение и конкретизацию политика раскулачивания получила в постановлении ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», принятом 30 января 1930 г. В нем был обозначен ряд взаимосвязанных целей новой политики и определялся механизм ее реализации.

Отмена аренды земли, запрет на применение наемного труда, конфискация средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и семенных запасов призваны были подорвать экономическую основу кулацких хозяйств. Конфискованные средства производства и имущество, передаваемые в неделимые фонды колхозов, должны были укрепить материально-техническую базу последних.

Вовлекая в процесс раскулачивания сельсоветы, представителей колхозов, батрацко-бедняцкие группы и комитеты, высшее партийное руководство страны, с одной стороны, обеспечивая социальную основу для реализации своей политики в деревне и перекладывая ответственность за ее реализацию на сельские «низы», с другой — искусственно вносило раскол и сеяло вражду между различными слоями крестьянства, что позволяло действовать по принципу «разделяй и властвуй» и создавало благоприятные условия для манипулирования крестьянскими массами.

Кроме того, постановление содержало ряд карательных-репрессивных мер, направленных против «контрреволюционного актива» крестьянства. Реализации этих мер обеспечивала достижение ряда целей: изоляции раскулаченных от общества, использования их труда в

хозяйственном освоении малонаселенных и отдаленных районов страны, а также запугивания тех, кто не желал вступать в колхозы.

Все, кто подвергался репрессиям, делились на три категории. В первую категорию включались организаторы террористических актов и антисоветской деятельности. Они подлежали аресту, а их семьи выслались в отдаленные районы страны. Крупные кулаки, активно выступавшие против коллективизации (вторая категория), также выслались в другие районы страны. Остальные раскулаченные (третья категория) расселялись на территории района, где они проживали, но на новых участках, отводимых за пределами колхозных земель.

Критерии, по которым определялись категории раскулаченных, имели нечеткий и размытый характер. В условиях, когда раскулачивание «подстегивалось» как «сверху», так и «снизу», проводилось нелегитимными методами, а также устанавливались контрольные цифры (разверстка) в отношении тех, кто подлежал раскулачиванию и высылке, появилась возможность для различного рода злоупотреблений и произвола. В данной ситуации необоснованно возрастала роль субъективного фактора: когда судьба конкретного крестьянина и его семьи определялась в зависимости от того, в каких отношениях он находился с теми, кто принимал решения: колхозный, батрацко-бедняцкий и др. актив.

Следует отметить, что в принятых высшими органами власти документах многие вопросы, связанные с выселением, расселением и хозяйственно-бытовым обустройством раскулаченных, не нашли отражения и остались вне нормативного поля. Это вынуждало ведомства, местные партийные и советские органы, на которые была возложена ответственность за реализацию поли-

тики раскулачивания, брать на себя функцию «законодателей» и, принимая решения (в форме постановлений и директив), восполнять «недостающую» нормативную базу. По существу, значительная часть этого важного направления работы была отдана «на откуп» данным органам и ведомствам, которые осуществляли ее по своему усмотрению, исходя из принципа целесообразности и ведомственного интереса. Это создавало ситуацию, когда порой на местах руководствовались не законодательными актами, а действовали в соответствии с директивными указаниями различных ведомств и решениями местных партийных и советских органов.

Среди различных органов власти и ведомств, занимавшихся проблемой раскулачивания, особые функции осуществляло ОГПУ. Находясь к концу 1920-х гг. под полным партийным контролем и выполняя политическую волю высшего партийного руководства, ОГПУ стало не только главным «толкователем» его решений, но и основным проводником и инструментом реализации политики раскулачивания.

Переход к политике сплошной коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» превращал страну в арену широкомащтабного эксперимента, целью которого было радикальное социально-экономическое преобразование советской деревни и формирование нового социального слоя – колхозного крестьянства. В качестве субъекта данной политики выступали партийные, советские органы и ведомства, их руководители, главным образом, Сталин и его окружение; объектом являлись широкие слои крестьянства, прежде всего наиболее зажиточная и самодостаточная его часть – «кулачество». В зоне эксперимента оказалась вся страна, однако по содержанию и характеру намеченных задач рай-

оны существенно различались. С определенной степенью условности всю территорию страны можно разделить на регионы, где в качестве доминанты выступало проведение сплошной коллективизации и высылка раскулаченных за пределы мест их постоянного жительства, а также регионы, где приоритетной стала проблема приема, расселения, хозяйственно-бытового обустройства и трудового использования высланных «кулаков». Это предопределяло общее, но еще в большей степени специфическое в реализации указанных задач.

В числе регионов, где в качестве основных местным органам власти пришлось заниматься вопросами приема, расселения и обустройства депортированных крестьянских масс, оказался Северный край, ставший пионером в реализации этой сложной и многоплановой задачи. Такой выбор не был случайным и обуславливался рядом причин и факторов.

Огромный по своей площади край располагал значительными неосвоенными, малонаселенными, но богатыми природными ресурсами (главными из которых в то время были запасы леса) территориями. Будучи крупнейшим производителем и поставщиком экспортной лесопроизводства, в планах форсированной индустриализации Северный край рассматривался как важнейший источник валюты, необходимой для строившихся промышленных предприятий. В условиях острого дефицита трудовых ресурсов в крае высланные «кулаки» должны были компенсировать нехватку рабочих рук на лесозаготовках и деревообрабатывающих заводах, а также обеспечивать наращивание объемов лесопромышленного производства. Наличие сети транспортных коммуникаций (железнодорожные, водные) позволяло доставить раскулаченных на территорию края и в районы их постоянного

местожительства, а в дальнейшем обеспечить продовольственными и материально-техническими ресурсами. Нельзя также забывать, что на протяжении многих веков территория региона традиционно являлась местом ссылки, что было немаловажно с точки зрения складывания взаимоотношений с местным населением, которое уже имело опыт и в определенном смысле привыкло к появлению и проживанию рядом с ним различных категорий ссыльных. Наконец, размеры территории края позволяли изолированно разместить большие массы людей, что предусматривалось планами раскулачивания.

На начальной стадии реализации политики насильственного переселения раскулаченный центр переложил основную часть работы и ответственности на краевые органы власти, поставив их в очень тяжелые условия. Решение многих острых проблем, связанных с приемом и расселением высылаемого контингента крестьян, краевые власти вынуждены были взять на себя, не имея при этом необходимых кадровых, финансовых и материально-технических ресурсов. Во многом вследствие этих причин районы расселения «кулацких» семей оказались неготовыми к их приему, и спецпереселенцы заведомо ставились в очень тяжелые условия существования.

При этом любые «оговорки» в решениях краевых органов, ставившие под сомнение способность региона принять и расселить установленное «сверху» число «кулацких» семей, решительно пресекались центром, требовавшим неукоснительного исполнения своих директив¹.

Видимо, неудовлетворительная подготовка регионов к расселению контингента выселяемых, а также резкое обострение ситуации в деревне, обусловленное началом процесса

раскулачивания крестьян, заставили руководство советского государства изменить сроки и уменьшить контрольные цифры «кулацких хозяйств», подлежащих выселению в отдаленные районы страны (в Северный край в феврале-апреле 1930 г. предусматривалось переселить 45 тыс. «кулацких» семей вместо запланированных ранее 70 тыс.²).

В документах ОГПУ комплекс мероприятий, направленных на реализацию политики по насильственному переселению высылаемых кулаков, именовался военным термином «операция». В содержательном плане он, действительно, в значительной степени отражал то, что происходило в 1930-м и в последующие годы с высылаемыми кулаками, и во многом данная акция была похожа на действия военного характера. Об этом же свидетельствует содержание и тональность разработанных ОГПУ документов, которыми должны были руководствоваться его полномочные представители на местах и ведомства, задействованные в этих мероприятиях.

Прибытие в край в конце февраля 1930 г. первых эшелонов выявило массу проблем и недостатков - следствий спешки, непродуманности и слабой подготовки мероприятий по переселению раскулаченных крестьян. Одной из них стало наличие среди высланных «кулаков» большого числа семей, не имевших трудоспособных членов. Это вынудило руководство ОГПУ потребовать от полномочных представительств в местах формирования эшелонов неукоснительного соблюдения директив о ненаправлении на Север таких семей. Подобный шаг не был продиктован какими-то гуманными соображениями. В данном случае руководство страны исходило из принципа экономической целесообразности и прагматизма - нетрудоспособная часть раскулаченных становилась обузой для государ-

ства. Она не могла быть использована как рабочая сила, а лишь требовала дополнительных государственных расходов на ее обустройство и содержание.

С первых же дней пребывания в Северном крае высланные «кулацкие» семьи, ввиду отсутствия централизованного снабжения и ограниченности продовольственных ресурсов края, вынуждены были голодать, что приводило к их истощению, росту заболеваемости и уровня смертности. Решение продовольственной проблемы руководство страны переложило на самих спецпереселенцев (согласно директивным указаниям выселяемые семьи должны были взять с собой грехмесячный запас продуктов питания) и их родственников. ОГПУ разрешило высланным «кулацким» семьям получать продовольственные посылки и денежные переводы. Однако этот шаг не мог коренным образом изменить ситуацию, т.к. в процессе проведения сплошной коллективизации родственники, основная масса которых проживала в деревне, потеряли значительную часть своего имущества, денежных средств и продовольственных запасов и сами испытывали острую нужду в продуктах питания. Многие из родственников не знали новых адресов своих близких.

Раскулачивание, высылка в отдаленные районы страны, социальная и хозяйственная неустроенность, голод «кулацких» семей привели к нарастанию недовольства среди них, которое очень быстро переросло в движение протеста, приобретающего различные формы, характер и масштабы. В Северном крае протест высланных «кулаков» выражался в основном в пассивной форме: письмах-жалобах, антисоветских высказываниях и т.п. Однако, особенно в 1930 г., имели место и открытые, с применением силы, выступления спецпереселенцев. Такие эксцессы произошли весной

1930 г. в г. Котласе и на железнодорожной станции Луза Северо-Двинского округа.

Вполне очевидно, что подобные волнения раскулаченных носили стихийный характер и представляли собой ответную реакцию на репрессивные действия властей. В ходе этих выступлений проявились их неорганизованность и локальность (большинство из высланных не поддерживали «бунтовщиков» и соблюдали нейтралитет). Они изначально были обречены на поражение, и стоило властям применить даже малочисленные вооруженные отряды, как участники выступлений растерялись и уступили силе. Однако, как правильно отмечает С.А. Красильников, главная причина поражения заключалась в стратегии противоборствовавших сторон – «государство нападало, крестьянство оборонялось»³. Более того, в противостоянии государства и крестьянства рубежа 1920-х – 1930-х гг. инициатива изначально была на стороне государства. Оно постоянно контролировало ситуацию, что давало ему безусловные преимущества. Выступления высланных раскулаченных являлись продолжением их противоборства с властью, начатого еще в процессе раскулачивания, но уже на другой («чужой» для них) территории и в новых социально-экономических и политических условиях.

При осмыслении российской действительности 1929 – начала 1930-х гг. важным и сложным представляется определение сущности данного периода и такого его явления, как крестьянское протестное движение. На сегодняшний день в исторической науке по данной проблеме имеются различные позиции и точки зрения. С.А. Красильников, критически проанализировав основные из них («великий перелом», «революция сверху», «чрезвычайщина», «война власти против народа», «крестьянская война», «гражданская война»), дает

свое, на наш взгляд, наиболее приближенное к сути определение данного периода – «квази-гражданская война». В качестве аргументов он указывает на определенную совокупность признаков и атрибутов, присущих гражданским войнам как таковым, а также выделяет ряд черт, характерных для противостояния власти и крестьянства данного периода⁴

В принципе, разделяя позицию С.А. Кра-силыникова по данному вопросу, следует все же подчеркнуть, что события рассматриваемого периода не были гражданской войной в полном смысле этого слова. Основным существенным признаком гражданской войны является **организованная вооруженная борьба за государственную власть** (подчеркнуто мною. – Н.У.) между классами, социальными группами. В крестьянском же движении протеста, даже когда оно проявлялось в наиболее острой форме, этот признак отсутствовал или имел слабо выраженный характер. Несмотря на то, что в ходе волнений выдвигались лозунги, призывавшие свергнуть Советскую власть, по существу, они были направлены не против власти как таковой, а выражали недовольство высланных конкретными решениями (коллективизация, раскулачивание) и действиями (или бездействием) ее органов и представителей (плохие бытовые условия, голод, болезни, смертность и т.п.).

В контексте изучения жизнедеятельности спецпоселенцев весьма важным и интересным является исследование проблемы отношения к высланным «кулацким» семьям местного населения. Об этом аспекте политики раскулачивания можно судить по докладам и спецдонесениям местных органов ОГПУ в вышестоящие инстанции. Их анализ показывает: несмотря на то, что высланные «кулацкие» семьи властью рассматривались как «враги народа», отношение к ним со стороны опре-

деленной части местного населения было вполне лояльным и даже сострадательным. Во многом это объясняется тем, что в то время официальная пропаганда по формированию в общественном сознании образа «врага» еще не развернулась в полную силу (совсем другая ситуация будет наблюдаться во второй половине 1930-х гг.). Кроме того, в тот переломный для страны период население еще не до конца осознало суть происходивших перемен. На сегодняшний день данная проблема остается малоизученной и требует к себе особого внимания со стороны исследователей.

Произвол в ходе осуществления политики раскулачивания обусловил появление среди высланных «кулацких» семей большого количества людей, которые в ведомственной терминологии ОГПУ именовались как «неправильно раскулаченные и высланные». В соответствии с директивными указаниями на местах осуществлялась проверка правильности их высылки. Однако из-за нехватки людей и неопределенности в этом вопросе она проводилась медленно и непоследовательно. Для внесения ясности в данный вопрос и «исправления ошибок в отношении середняков и бедняков, высланных на Север», по инициативе М.И. Калинина решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 апреля 1930 г. была создана комиссия под председательством секретаря Северного краевого комитета ВКП (б) С.А. Бергавинова⁵. В середине апреля 1930 г. комиссия прибыла в Северный край.

Как совершенно правильно отмечает архангельский историк С.И. Шубин, «...московские представители проявили поразительную принципиальность. Разъехавшись по округам Северного края, они с помощью местных чиновников сумели охватить проверкой 23 360 семей из 46 261, высланных к середине апреля 1930 г.»⁶.

В ходе работы комиссии ЦК ВКП (б), и особенно при обсуждении итогов проверки, между ее членами выявились принципиальные разногласия по вопросам определения процента неправильно высланных и определения их дальнейшей судьбы. С.А. Бергавинов, выполняя указания «сверху», настаивал на признании как неправильно высланных лишь 6% от общего числа рассмотренных дел и как «сомнительных» – 8%. К тому же он считал целесообразным из всех признанных неправильно высланными возвратить на родину только участников Гражданской войны, имевших революционные заслуги, красных партизан, а также семьи, в которых имелись военнослужащие, проходившие службу в Красной Армии. Остальных же из этой категории спецпереселенцев предлагалось расселить в крае, устроив их на заводах, промыслах и в сельском хозяйстве на особо льготных условиях, как «вольных граждан»⁷. Данные предложения были утверждены решением комиссии.

Против этого выступили члены комиссии: В.Н. Толмачев (НКВД РСФСР) и И.Г. Еремин (НКЮст). Они настаивали на признании 10% неправильно высланных как минимальной цифры и считали необходимым всех возвратить на родину, «восстановив их хозяйство и политические права»⁸. Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 мая 1930 г. за основу были приняты выводы и оценки, предложенные С.А. Бергавиновым⁹.

С.И. Шубин, оценивая вышеизложенную ситуацию, связанную с деятельностью комиссии ЦК ВКП (б), причины возникших разногласий усматривает в основном в субъективных факторах: в стремлении С.А. Бергавинова вывести из-под удара критики И.В. Сталина, а также в личных качествах первого – «природной изворотливости» и «паразитическом изумительном»¹⁰.

В принципе, не возражая против такой трактовки, все же следует признать, что она имеет упрощенный характер и не позволяет более глубоко понять причины разногласий и сущность проблемы неправильно раскулаченных и высланных. На наш взгляд, решения по данному вопросу имели принципиальный характер. По существу, речь шла о том, насколько правильной была «генеральная линия партии» по раскулачиванию и высылке в отдаленные районы страны большой массы людей, а также о легитимности средств и методов ее осуществления. Деятельность комиссии ЦК ВКП (б) в Северном крае обнажила явные разногласия в руководстве страны по данному вопросу. В.Н. Толмачев, И.Г. Еремин и другие руководители, признавая большой процент неправильно раскулаченных и высланных и заявляя об огромных перегибах в этом деле, по существу, ставили под сомнение правильность политики, проводимой в то время в советской деревне. Настаивая же на стопроцентном возвращении на родину всех признанных неправильно раскулаченными и восстановлении их в «хозяйственных и политических правах», они тем самым создавали очень сложную ситуацию, чреватую тяжелыми социально-экономическим и политическим последствиями для руководства страны. Не трудно себе представить реакцию крестьянства и их настроения, если бы в места прежнего жительства стал возвращаться огромный поток уже высланных в отдаленные районы страны раскулаченных семей. Вполне очевидно, что это в значительной степени затруднило бы дальнейшее проведение политики сплошной коллективизации, раскулачивания и выселения. Отправка же на родину большого числа неправильно раскулаченных, а также возврат им конфискованного имущества потребовали бы значительных не предусмотр-

ренных государством финансовых и материальных затрат. Нельзя также забывать, что спецпереселенцы руководством государства рассматривались как важный трудовой ресурс в освоении отдаленных и малоосвоенных районов страны. В силу указанных факторов власть делала все возможное, чтобы не допустить признания неправильно раскулаченных значительного числа «кулацких» семей и массового оттока их к прежнему месту жительства (к 1 декабря 1930 г. из 1410 семей (27 890 человек), признанных неправильно высланными, на родину было возвращено лишь 580 семей – 1390 человек¹¹).

С выселением в феврале–апреле 1930 г. 46 562 «кулацких» семей (230 065 человек)¹² завершилась начальная фаза первой очереди выселения раскулаченных в Северный край. На этом этапе приоритетными были задачи приема и размещения в местах временного проживания прибывших в край «кулацких» семей, а также использование трудоспособных спецпереселенцев на хозяйственных работах и строительстве поселков для постоянного жительства. Следующим шагом стало расселение «кулаков» в местах постоянного проживания.

(Продолжение следует)

Примечания

¹ Севкрайком, осознавая всю сложность стоявших перед ними задач и понимая, что многие из них трудно выполнимы, подстраховывал себя, делая некоторые «оговорки» в решениях бюро. Так, например, в постановлении бюро Севкрайкома от 31 января 1930 г. по вопросу о строительстве барачков отдельным пунктом было отмечено, что если не будет построено в указанные сроки необходимое количество барачков, то край до навигации из запланированных 70 тыс. может принять не более 30 тыс. семей раскулаченных семей. Вышестоящие инстанции обязали партийное руководство Севкрая дать объяснения по данному пункту решения бюро, и секретарю Севкрайкома С.А. Бергавину пришлось срочно направлять на имя Сталина и Молотова телефонограмму, в которой он подтверждал неукоснительное исполнение ранее полученных директив партии.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 79.

³ См.: Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 40.

⁴ Там же. С. 26–29.

⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 т. 1927–1939. М., 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 380.

⁶ Шубин С.И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы: Монография. Архангельск, 2000. С. 327.

⁷ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области. Ф. 290. Оп. 1. Д. 379. Л. 86.

⁸ Там же. Л. 87.

⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2003. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. С. 820.

¹⁰ Шубин С.И. Указ. соч. С. 329.

¹¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 597.

¹² Там же. С. 334.

Upadyshev Nikolai

**«SPECIAL» SETTLERS IN THE NORTHERN TERRITORY:
CONCEPTUAL VISION OF THE PROBLEM**

The article undertakes interpreting the state's policy as regards eviction of dispossessed «kulak» families to the Northern territory, which came to be one of the pioneers in placing, economic, social-household everyday settling down, and application of their forced labour. It also analyses the problems of legal status of the «special» settlers.

Рецензент - *Голдин В.И.* профессор, проректор Поморского университета